

ПУБЛИКАЦИЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОРЕНБУРГСКОГО ФИЛОЛОГА, ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
И ТОПОНИМИКИ КРАЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОИСЕЕВА

УДК 811.161.1'28

Я. В. Мызникова

Лексикографические рефлексии диалектоносителя

В статье рассматривается одно из явлений языковой рефлексии диалектоносителей — метаязыковые пояснительные высказывания. В диалектной речи они обычно имеют иллюстративный, а не дефиниционный характер, представляют собой примеры из языковой практики говорящих. И всё же языковая компетенция некоторых информантов позволяет собирателю получить метаязыковые высказывания дефиниционного типа. Такой материал, особенно сопровождаемый иллюстрациями из речевой практики информанта, весьма интересен для собирателей, так как позволяет проверять и уточнять значения собранной лексики. Фиксация диалектной лексики через рефлексии носителей говора часто даёт интересные сведения, так как исходит не из интересов собирателя, а из того, что представляется интересным диалектоносителю. При сборе материала по определённым тематическим группам такая лексика может остаться за рамками программы. Это касается, в частности, экспрессивной лексики.

Ключевые слова: коммуникативная диалектология, лексикография, языковая рефлексия, диалектная лексика, коммуникативная компетенция, экспрессивная лексика.

Явления языковой рефлексии в последнее время активно исследуются в рамках коммуникативной диалектологии. Как правило, эти явления характерны для особого типа коммуникации — общения диалектолога с диалектоносителем, т. е. межсоциальной коммуникации. В этом случае участники коммуникативного акта относятся к разным социальным группам и владеют различными культурно-речевыми кодами, поэтому автоматизированный характер речи нарушается в связи с необходимостью включать метаязыковые высказывания поясняющего характера. Подобные высказывания не только «провоцируются» прямыми вопросами диалектолога, но и вызваны осознанием особой ситуации общения, требующей разъяснения некоторых элементов культурно-речевого кода [1, с. 186]. Метаязыковые пояснительные высказывания в речи диалектоносителей, как правило, имеют иллюстративный, а не дефиниционный характер, т. е. представляют собой примеры из языковой практики говорящих с опорой на типичную ситуацию употребления поясняемого слова, а не определения с таксономическими характеристиками.

Особый интерес представляет информант-диалектоноситель, владеющий в достаточной степени и традиционной сельской речевой культурой, и культурой использования литературного языка. В этом случае метаязыковое пояснение информанта включает элементы дефиниционного характера, что само по себе весьма интересно для собирателей, так как позволяет проверять и уточнять значения собранных диалектных слов.

Во время студенческой экспедиции 2014 г. в Чердаклинский район Ульяновской области (село Крестово-Городище) таким информантом, проявившим значительную заинтересованность в работе по сбору местной лексики, стала Нина Николаевна Каргина, местная жительница 1949 года рождения. Уникальность её коммуникативной компетенции обусловлена несколькими факторами: Нина Николаевна долгие годы жила в своём селе, но несколько лет она прожила на Дальнем Востоке, что позволило ей как бы со стороны оценить культурно-речевой код своего села. В то же время Нина Николаевна — человек, уделяющий значительное внимание литературному языку, пополнению собствен-

© Мызникова Я. В., 2015

ного словарного запаса, развитию памяти. Она много читает, разгадывает кроссворды, составляет собственные словарики. Таким образом, благодаря своей хорошей памяти, богатому словарному запасу, наблюдательности, хорошему знанию местной жизни Нина Николаевна оказывала разностороннюю помощь собирателям: дополняла различные тематические группы лексики, объясняла и уточняла значения слов, помогала подобрать иллюстрации к их употреблению в речи.

Особый интерес представляет «словарик» местной лексики, записанный со слов самой Нины Николаевны. Он включает несколько десятков слов, относящихся к следующим тематическим группам:

«Домашнее хозяйство» (*зёмбиль* 'большая плетёная ёмкость в форме чемодана', *кавылдаться* 'раскачиваться [о люльке]', *мышки* 'бретельки у нижней женской нательной рубашки', *постать* 'участок обработанной земли', *на пакушу* 'наоборот', *на наничку* 'наизнанку' и другие);

«Приготовление пищи» (*палышка* 'лепёшка', *барыня* 'кушанье из запечённой тыквы', *кулёш* (*полевой суп*) 'пастуший суп из баранины', *фамильный чай* 'чай из лавки какой-либо фамилии (т.е. семьи) купцов', *затируха* 'каша из заваренной муки', *тыквенник* 'пшённая каша с тыквой', *протведать* 'попробовать на вкус' и другие);

«Экспрессивная лексика» (*запурхиваться* 'не успевать переделать все дела', *обляскаться*: *облясканная* — 'забрызганная грязью, жиром', *учупахаться* 'измазаться во время еды').

Многие из приводимых лексических единиц Н. Н. Каргина снабжала толкованиями и речевыми иллюстрациями.

Также Н. Н. Каргина не обошла своим вниманием наречия и другие обстоятельственные обороты (например, устойчивые): *васейка* 'накануне, вчера', *третёвдни* 'третьего дня, позавчера', *на особливицу* 'отдельно, потихоньку', *тишкóm да шипкóm* 'молча, потихоньку'. Особо информант отметила частицу *чай*: *Чай — этъ вот ещё слово «чай» наше, обязательно, деревенское.*

Приведём примеры пояснения слов и устойчивых сочетаний Н. Н. Каргиной.

Запурхиваться — не успевать переделать все дела. *Што-та севодня я запурхиваюсь.*

Яранка — герань. *Яранка-то у меня как пышно расцвела, а духмяна-то!*

Матрэй — смотри. *Матрэй мне! Не лаяй сюда!*

Ненáй — не знаю.

Тишкóm да шипкóm — молча, потихоньку. *Всё-то он делает тишком да шипком.*

Всклень — о жидкости, налитой до краёв и ещё и с горочкой. *Стакан налил мне прям фсклень! Мне што, отхлёбывать што ли?*

Курага — вяленые (сушёные) в духовке кусочки тыквы.

Тыкву сушили — эт курага мы называли также. *Сначала парили её, резали кусочками. Я и внукам эта делала и в эти годы. Када внуки были маленькие, я точно так же сначала парила её аддельно, потом на протвинь, выкладывала вот эт вот, вот так вот их эти фсе, и в духофку в аткрытую, и ана вот сначала вялица-вялица-вялица, не нада её пересушивать, иначе нефкусная будет, а нам ещё ис свеклы такую же делали, ис свеклы сахарнай.*

— *И это — тоже курага называлось?* — *Нет, этъ свекла.*

Многие лексемы и устойчивые обороты Н. Н. Каргина иллюстрировала весьма показательными примерами, которые раскрывают не только способы употребления этих единиц, но и их синтаксический и семантический потенциал.

На ужó — на потом, на вечер; *ужó* — потом. *Это я на ужó съем (доем). Мне оставьте на ужó. У нас асобенна эт папа: не трогайте, эт я ужó даем. А ужó ево и стаит где-нить на стале или на шестке, на загнётке как ево называит.*

Фамильный чай — чай из лавки какой-либо фамилии (т.е. семьи) купцов.

Абычный заварачный чай, мы называли ево фамильный. А пачиму? Раньше жы вот были сынавья вот эти вот держали лафки-ть, и йихний чай название была, вот фамильный чай, када ещё то была до царя, при царе вернее, тот фабрики чайны держал и название чая было именно этава хазяина. И сичас каму лет восимсят пять чай заварка не называют. Мне фамельнава чая.

Зёмбиль — большая плетёная ёмкость в форме чемодана.

Кода нам дом родители купили, мужа дом вот этот вот, а оне старые люди-ть уи были. И у них вот на подлафке, чо ток там не было, там были и зембиля были, плетёные такие сумки, как чумаданы большие. Не карзина а как, как чумадан, зембиль называли, Но этъ наверно не наше название-т, мне кажсеца эт откуда-ть.

Попало в этот «словарик» и множество разного плана устойчивых сочетаний: от идиом до фразеологических выражений (*на ужó, тишкóм да шипкóм, фамíльный чай*). Большая часть лексики «словарика» была предложена как имеющая местное распространение самой Н. Н. Каргиной. Остальные лексемы упоминались и разъяснялись Ниной Николаевной в тексте рассказов с различной тематикой. В «словарике» Н. Н. Каргиной встречается как лексика, распространённая и в других русских говорах (*васéйка, третёвдни, мурцóвка, палíшка*), так и действительно уникальная с точки зрения формы или значения местная лексика (*зёмбиль, курагá* 'печёная тыква', *барыня* 'блюдо из тыквы' и др.). Так, слово *зёмбель* в несколько отличном значении 'мешок' зафиксировано, по данным СРНГ, в Саратовской области [2, т. 11, с. 255]. Слово *курагá* отмечено в южнорусских говорах в значениях 'абрикосовое дерево', 'плоды абрикосового дерева', 'сушёные абрикосы' [2, т. 16, с. 108], но нигде не зафиксировано в значении 'печёная тыква'. Слово *барыня* в значении 'блюдо из тыквы' в СРНГ не зафиксировано.

Описанный способ фиксации диалектной лексики — через лексикографические рефлексии носителей говора — часто даёт интересные сведения, так как исходит не из интересов собирателя, а из того, что представляется интересным или важным диалектоносителю. При собирании сведений по программе такая лексика может остаться за рамками программы. Это касается, в частности, экспрессивной лексики: *матрýй* 'смотри', *ненáй* 'не знаю', *тишкóм да шипкóм* 'молча, потихоньку', *запúрхиваться* 'не успевать переделывать все дела', *обля́скаться* 'забрызгаться грязью, жиром', *учупáхаться* 'измазаться во время еды'.

Весьма интересная экспрессивная лексика была зафиксирована нами и в течение предыдущих экспедиций в Ульяновскую область также в результате метаязыковых высказываний информантов: *флюра* 'беспардонная, непутёвая, морально испорченная женщина', *шúхабать* 'сброд, простой народ, с которым обычно не считаются', *шутр-бúтр* 'барахло, старые ненужные вещи', *хось-вóсь* 'что попало, что-нибудь', *фабалы́* 'пустяки, никчёмное дело', *шаманя́ться* 'ходить-бродить, шататься без дела', *блукáть* 'бродить, шляться, ходить без дела', *мартызнúть* 'сбежать, удрать' и др.

Многие из этих слов интересны как с точки зрения этимологии, так и с точки зрения функционирования. Так, например, лексическая единица *флюра* 'непутёвая женщина', не зафиксированная в диалектных словарях в качестве нарицательного слова, довольно часто встречается как татарское или башкирское имя собственное *Флюра* у женщин. Вполне возможно, что данное имя нарицательное в Ульяновской области является узколокальным.

Интересны своей формой экспрессивные лексемы *фабалы́* и *шутр-бúтр*. В Словаре русских говоров Мордовии находим параллель к фонетически необычному для русских

говоров слову *фабалы* 'пустяки, никчёмное дело': *фабола* 'ненужная, пустяковая вещь', а также устойчивое выражение *на фáбол делать* 'кое-как, небрежно' [3, т. 2, с. 1409].

Ещё одна фонетически нетипичная для русских говоров лексическая единица *шутр-бутр* 'барахло, старые ненужные вещи' также обнаруживает некоторые формальные и семантические соответствия в Словаре русских говоров Мордовии: *шутры́-бутры́* 'внутренности убитого животного' [3, т. 2, с. 1540]; *шухор-мухор* 'хлам, барахло' [3, т. 2, с. 1541].

Помимо необычной экспрессивной лексики лексикографические рефлексии диалектоносителей помогают зафиксировать нетипичные лексемы и других тематических групп. Так, например, были записаны наименования характерных для Поволжья кушаний из тыквы: *курага, барыня, тыквенник*. Таким образом, лексикографические рефлексии диалектоносителей являются ценным источником сведений по словарному составу говора, по значениям лексических единиц и особенностям их употребления.

Список использованной литературы

1. Крючкова О. Ю. Метаязыковая функция в диалектной речи // Языковые средства в системе, тексте и дискурсе : материалы Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента АПН РСФСР А. Н. Гвоздева, 25—27 нояб. 2002 г. Самара : Изд-во СамГПУ, 2002. С. 186—191.
2. Словарь русских народных говоров. Т. 1—47. М. ; Л./СПб., 1965—2014.
3. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. 1—2. СПб., 2013.

Поступила в редакцию 22.06.2015 г.

Мызникова Янина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: janinam@mail.ru

UDC 811.161.1'28

Y. V. Myznikova

Lexicographical reflections of a dialect speaker

The article deals with one of the language reflection phenomena, which is referred to as metalinguistic explanatory statements. In the dialect speech such statements usually have an illustrative content. But the language competence of some dialect speakers helps the collector to get metalinguistic statements with word definitions. That kind of material, with illustrations from the speech practice, is of great interest to the collector as far as it helps to check and correct the meanings of dialect words. Dialect data fixation through the speaker's reflections provides the very important material, as it comes not from the collector's interests, but from the informant's notion. This applies primarily to expressive words.

Key words: communicative dialectology; lexicography; language reflection; dialect vocabulary; communicative competence; expressive words.

Myznikova Yanina Valerievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Saint-Petersburg State University
Russian Federation, 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 11
E-mail: janinam@mail.ru